

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 13

О. А. Пырьянова

ВНУТРЕННЯЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИГУРАТИВНОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ АУТЕНТИЧНОГО ВОСПРИЯТИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ЧУВСТВЕННОСТИ

Исследуется механизм внутренней репрезентации фигуративной сексуальности. Раскрытие сексуальной чувственности субъекта первоначально дается в виде смутных образов, которые позднее должны быть рационально осмысленны и, следовательно, прояснены. Проблема заключается в том, что в условиях гетеронормативности индивид принимает социально легитимированное описание сексуальности за свое собственное, лишая себя возможности уникального существования. Аутентичное восприятие собственной сексуальной чувственности имеет основание во внутренних репрезентативных актах, высокая степень субъективации которых является условием их подлинности.

Ключевые слова: *фигуративная сексуальность, сексуальная чувственность, репрезентация, гетеронормативность, гетерофлексibilität, экзистенция.*

Понимание сущности своей сексуальности всегда связано с фактом ее принятия. Понимание и принятие – постоянно переходящие друг в друга корреляты, через которые субъекту дается фигуративная сексуальность. Представление о собственной сексуальности репрезентативно, поскольку первоначально она представляет собой не более чем смутный образ, который еще необходимо прояснить.

Ни одно ощущение/переживание не схватывается в однозначной предикативной данности, т.е. как абсолютно понятное, статичное и завершенное образование. Оно всегда первоначально соединено с рядом образов, которые позволяют ему гораздо дольше находиться в активном восприятии субъекта по сравнению с рассудочным понятием. Понятие как данность отстранено от индивида, предполагает объективность и позицию внаходимости по отношению к нему. При восприятии образа человек всегда включен в его структуру, что влечет за собой беспокойство души в качестве живого личностного переживания.

Сама структура человеческого восприятия предполагает необходимость репрезентативных практик для более глубокого проникновения в сущность феномена: поток сопровождающих образов позволяет удержать его и посредством редуцирования приводит к определенному концепту. «Нечто ясное „само по себе“ репрезентируется неясным, – подобно тому, как некое вещное свойство „репрезентируется“ – преломляется, нюансируется – в созерцании моментов чувства. *Различие ясности по степени – это различия исключительно способа данности*» [1, с. 206]. Способ данности фигуративной сексуальности предопределен самим понятием фигуративности, для которой фор-

ма столь же существенна, как и содержание. Форма, данная в репрезентативных актах, не только соразмерна содержанию, – она его предугадывает, чувственная природа сексуальности раскрывается, не будучи еще полностью осознанной.

При этом нельзя сказать, что рассудочное понятие обедняет воспринятый предмет (или феномен) – переживание становится глубже, когда оно осознанно, так как чувственность детализируется и раскрывается в ходе отчетливого распознавания. Процессы чувственного и рационального переживания постоянно сменяют друг друга, являя феномен во всей его полноте.

Восприятие проявляет свою прескриптивную функцию, «требуя» личностного отношения к явлению, выраженному в образе или ряде образов: «осознание образа (*Bewußtsein von dem „Bilde“*) и служит Гуссерлю конкретным примером „модификации нейтральности восприятия“. Почему? Да потому, что „отоображающий объект-образ“ не прибывает ни как сущий, ни как не-сущий (нет и никакой другой модальности бытийного полагания). Потом Гуссерль, правда, уточняет и по существу исправляет эту констатацию, говоря: „точнее, он осознается как сущий и одновременно как не-сущий, но все остается в „модификации нейтральности бытия“» [2, с. 428], что означает изменение нейтральности восприятия.

Интерпретация образов сексуальности – внешнее действие по отношению к самой сексуальности. Большинство интерпретаций не могут изменить сам феномен. В чем же тогда заключается необходимость рефлексивного отношения? Оно прежде всего имеет значение не для феномена, а для его восприятия. Существенным для человека в

большей мере становится персонифицированное восприятие мира, а не достигнутая объективность. Индивид, интерпретируя, вовлекается в мир собственных переживаний, которые не только конституируют индивидуальную антропологическую реальность, но и являются обязательным условием аутентичного восприятия себя в целом и сексуальности в частности.

Принятие «нейтральности бытия» означает отказ от индивидуального существования, такое бытие не вызывает отклика у индивида, ставя под вопрос существование его как автономного субъекта. Если говорить о сексуальности, то для нее «нейтральность бытия» будет означать сведение к вещи (*res*) и в итоге – обесценивание.

Репрезентативная данность сексуальности – единственно возможная реальность в момент проявления чувственности, но она не есть сама чувственность, парадокс заключается в том, что без образных структур, выражающих чувственные переживания, невозможно прорваться к самому явлению и, более того, – к самому себе. Образ, сопровождающий выражение сексуальной чувственности, позволяет раскрыться невыразимому.

Полисемантичесность возможных интерпретаций означает фигуративный характер сексуальности, каждая из них привносит определенное знание как о сексуальности, так и о сущности индивида в целом, очерчивая возможные границы чувственного опыта. Важна любая интерпретация, изначально неправильное понимание своей чувственности будет преодолено, когда сексуальность зазвучит более отчетливо, а переживание, выходя из области ограничений, станет более наполненным и ярким.

Проблематичность репрезентативного характера фигуративной сексуальности заключается в том, что первичный смутный образ нуждается в прояснении, индивиду необходим Другой в качестве интенциональной цели сексуальной чувственности, своим присутствием Другой делает образы более отчетливыми, «обнажая» переживания субъекта. Аутентичность внутреннего переживания зависит от способности индивида не только проникнуть за репрезентируемые образы к эссенциальной данности, но отбросить социально и интерсубъективно детерминированные оценки своей сексуальности (как реальные, так существующие в возможности), направив все интенции восприятия исключительно на собственную сексуальную чувственность. Аутентичность сексуальности – предельно субъективированное переживание, конгруэнтное экзистенции индивида и создаваемое в качестве уникальной и самоценной части его жизни.

Проблема аутентичного восприятия собственной сексуальности заключается в том, что индивид, включенный в приемлемые структуры соци-

ального мира, как правило, воспринимает лишь объективированное желание, но не всю сексуальность в целом. Сексуальность связывается с нормативными системами, управляемыми обществом.

Современное общество в качестве нормативной системы, определяющей сексуальность, постулирует гетеронормативность. Д. Розенфельд, цитируя С. Китцингер, подчеркивает, что «гетеронормативность возникает не только как символическая область, формирующая социальное действие и интерпретацию, но и как именно их продукт; действительно, гетеронормативность становится не только организующим принципом, дискурсом или набором норм, но формирует, согласовывает активность в себе – „привычное производство гетеросексуальности как нормальной, естественной, допускаемой сексуальности“» [3, р. 619]. При этом гетеросексуальность как форма проявления сексуальности перемещается в нерелексивную область принятия социального опыта. Нет необходимости схватывать свою гетеросексуальность как уникальную и требующую прояснения сексуальность – она уже задана социальным контекстом, который определяет способы самовосприятия индивида.

Развитие сексуальности согласно гетеронормативной модели для каждого человека заранее предопределено, необходимое переживание, сопровождающее определенные этапы становления сексуальности, названо. Индивиду лишь остается подтвердить «чувственные стандарты», возвращая социальный конформизм. Отправной точкой в данном контексте является не индивидуализированная сексуальность субъекта, а социально-нормативный идеал, при этом «гетеронормативность, до тех пор пока различают нормативные системы, не навязывает себя односторонне, но взаимодействует с другими нормативными системами, формируя самость, идентичность, социальное действие и моральную оценку» [3, р. 634]. Индивид отчуждает свою субъективность, взамен получая легитимированное право отказаться от экзистенциального присутствия. При этом если отбросить принятые человеком социально стандартизированные идеалы, не отягощенные индивидуальным переживанием, он перемещается в сферу небытия, поскольку фундаментальное присутствие оказывается элиминированным, а существование – формальным.

Внутренняя репрезентация сексуальности человека в данном случае отталкивается не от его субъективного восприятия сексуальности, а от внешнего образа, который по большому счету является чуждым по отношению к индивиду. Внешний образ референтно не коррелирует с сексуальностью индивида до того момента, когда сам субъек-

ект не станет источником уникального чувственного опыта, частично совпадающего с общепринятым.

Властные механизмы контроля и подчинения чужой сексуальности усиливаются при стирании границы между личностным, уникальным миром субъекта и социально значимой реальностью, когда происходит отождествление понятий сексуальности и гендера либо утверждается незыблемая связь между ними. «Ключевая характеристика всех ранних описаний – предположение, что гендер и сексуальность являются естественными феноменами и что отношения между ними универсальны и неизменны» [4, р. 459]. Социальность через утверждение прямой зависимости между сексуальностью и гендером стремилась погрузить властный механизм управления гендерными характеристиками как приемлемым социальным поведением во внутреннюю сферу бытия человека – его сексуальность.

С точки зрения философской антропологии это означает лишить индивида его бытийственного статуса, свести природу и сущность человека до уровня социального конструкта. Сексуальность, подчиненная гендеру, теряет свой смысл и ценность, поскольку выполняет роль гендерного маркера, направленного на достижение социального согласия относительно сущности конкретного индивида. В то же время сексуальность в данном контексте понимается как вопрос выбора, изменяемый по прихоти самого индивида или кого-то другого. Опираясь на концепцию Дж. Хокс, М. Тайлер пишет: «Очевидно, что постмодернистская сексуальность характеризуется прогрессивным освобождением от модернистской ассоциации сексуальности с воспроизводством. Постмодернистские подходы также выделяют распространение полезных сексуальных идентичностей в качестве выбора жизненного стиля, а не как сущностного выражения сексуальной „природы“» [5, р. 90]. Соответственно, смена гендерного поведения должна повлечь субстанциальное изменение сексуальности. «Достигнуть „правильного гендера“ – это значит стать гетеросексуалом. Здесь наблюдаются отголоски предположений, основанных на натуралистических оценках, ...где гомосексуальность выглядит как признак „неправильного гендера“» [4, р. 462]. Во многом это объяснимо исторически сложившейся практикой осмысления сексуальности, поскольку сексуальность становилась объектом изучения как форма патологии: «Исторически связь между сексуальностью и гендером обычно исследовалась в отношении к ненормативным гендерам и сексуальностям» [4, р. 460]. Допустим лишь один возможный вариант проявления сексуальности, фундированный видимой непротиворечиво-

стью гетеросексуальности, которая (непротиворечивость) может быть ослаблена более подробным изучением.

Проблема заключается в том, что гетеросексуальность в качестве формы сексуальности практически не подвергалась философско-антропологическому анализу, поскольку «сама гетеросексуальность никогда не является *объектом* изучения, целью исследования в ее собственных правах, это является начальным *условием* для возможной объективации, незаинтересованного знания *других* объектов, особенно гомосексуальности» [6, р. 110–111]. Перемещение гетеросексуальности в область непоблематизируемого методологического основания оставляет ее как форму сексуальности сокрытой. Для индивида проблема аутентичного переживания собственной сексуальности в рамках гетеронормативности оказывается неразрешимой, поскольку постулирование значимости гетеросексуального желания напрямую не связано с его переживанием. Изначально репрезентативный образ гетеросексуальности универсален в своей абсолютности. Он в силу своей самореференциальности фактически исключает субъекта из своего поля, замена одного субъекта другим оставляет гетеросексуальность неизменной, нивелируя индивидуальное переживание сексуального опыта, и тогда «сексуальность видится как ключевой механизм патриархального контроля» [7, р. 266]. Для наполнения живым опытом понятия гетеросексуальности (впрочем как и гомосексуальности) необходимо раскрытие фигуративного аспекта сексуальности.

Репрезентация фигуративной сексуальности всегда отталкивается от индивидуальной сексуальной чувственности, и только потом субъект формирует концептуальное представление о сексуальности (неважно о гетеросексуальности или гомосексуальности). До перехода на уровень субъективных переживаний индивид обречен на следование транслируемым стандартам сексуальности, иницируемых гетеронормативностью. Гетеронормативное описание сексуальности крайне однообразно, поскольку рассматривает ее, опираясь на принцип бинарных оппозиций, не фокусируя свое внимание на конкретном человеке и уникальности его сексуальности (как гомосексуальности, так и гетеросексуальности).

Сущность гетеросексуальности скрывается под репрезентируемыми образами гомосексуальности, ускользая от объективации: «Ситуация, в которой некоторый „Другой“ был объективирован и, будучи репрезентированным как объект, субъект, который иницирует репрезентацию, должен *всегда оставаться скрытым*» [6, р. 117]. Сексуальность постоянно стремится ускользнуть от властного регу-

лирования и любого нормативного определения и подчинения, именно поэтому гендерные отношения и стереотипы становятся удобной формой ее нормирования. Образы, в которых репрезентируется сексуальность, в гетеронормативном поле, как правило, неизменны, так как направлены на установление четко определенного социального порядка и опираются на понимание природы человека как монолитной, неизменной данности, подчиняющей жизнь каждого индивида.

Взаимосвязь между гендером и сексуальностью выражается следующим образом: «Доминирующие дискурсы гендера и сексуальности предполагают, что биологический пол непроблематично приводит к возникновению гендерной идентичности с гетеросексуальностью как одной из важнейших характеристик „приемлемой“ гендерной идентичности» [8, р. 408–409]. Гендерная идентичность прежде всего репрезентируется во внешней сфере человеческого бытия, не касаясь аутентичного восприятия сексуальности, поскольку, с точки зрения гетеронормативности, более значимым является проявление, а не внутреннее содержание феномена.

Постулирование флексибильности эротического желания носит формальный внешний характер по отношению к субъекту, оно направлено на получение максимального капитала. «Акцент на подвижности желания, который может быть реинвестирован в разнообразные разрушительные и трансгрессивные идентичности или действия, рискует воспроизвести „нерегулируемую“ природу современного капитала, который разоблачает и реинвестирует себя в извлечении ценностей» [9, р. 105]. Сама сексуальная идентичность воспринимается в качестве образования, отчужденного от субъекта, которое может быть использовано в прагматических целях.

Таким образом, гетеронормативные структуры подвергают сомнению ценность сексуальности как антропологической данности. Свободное проявление сексуальности, как гомосексуальности, так и гетеросексуальности, становится проблематичным. Гомосексуальность воспринимается как искаженная антропологическая природа человека, а гетеросексуальность вследствие перегруженности идеологическими и властными смыслами превращается в конструкт, не вызывающий отклика сексуальной чувственности конкретного индивида. Внутренняя репрезентация индивидуальной сексуальности замещается на довлеющие в обществе гетеронормативные концепты. Переживание лишается своей уникальности, следуя за отчужденными эталонами чувственности. Человек включается в погоню за постоянно ускользающими гетеронормативными идеалами, пытаясь пережить чужой опыт

как свой собственный, но никогда не достигает своей цели, поскольку невозможно повторить чей-то чувственный опыт, более того, не всегда возможно испытать абсолютно идентичное переживание, в противном случае граница между прошлым и настоящим оказалась бы стертой.

Гетеросексуальность расширяет свои границы в социально-нормативном пространстве за счет гетерофлексибильности. Гетерофлексибильность – явление, характеризующее подвижность поведения гетеросексуалов, в котором индивид, несмотря на доминирующее для него значение идеалов гетеросексуальности, время от времени осуществляет переход к гомосексуальности. Такой переход не становится формой трансгрессии, поскольку не предполагает субстанциального погружения в гомосексуальность и принятия ее как единственно возможной сексуальности.

Как правило, гетерофлексибильные образы сексуальности свойственны коммерциализированному пространству и не имеют оснований в переживании сексуальности в качестве своей сущности. «Многие медиаобразы гетерофлексибильности демонстрируют тенденцию отбросить борьбу, как по своей природе аполитичные, изображая Утопию, в которой вопросы о сексуальной ориентации и идентичности являются фундаментальным личностным выбором относительно любви, желания, и блаженство, которое имеет небольшой или лишено социального контекста» [10, р. 107–108]. Тем самым укрепляются социальные механизмы, направленные на регулирование сексуальности, так как создается иллюзия их отсутствия.

Гетеросексуальность, также как и гомосексуальность, нуждается в осознании и рефлексивном принятии, поскольку без этих актов индивидуальная чувственность остается недостижимой.

Переход к фигуративной сексуальности осуществляется в процессе репрезентативного восприятия сексуальности. Сексуальная чувственность иначе воспринимается субъектом, когда она дана посредством образов, а не простого постулирования объекта желания. Образ сексуальности – целостное представление о сексуальной чувственности субъекта, фундированное индивидуальным переживанием эротического. Индивидуальное переживание эротического означает, что индивид замечает каждое «движение» своей сексуальности, открывая свою чувственность, во-первых, как новую и значимую часть своего существования и, во-вторых, освобождая ее от различных нормативных ограничений, направленных через табуирование свободы чувственных переживаний на социальную однородность в области сексуальных стандартов. Фигуративная сексуальность отказывается от любых стандартов в области переживания, раскрывая

антропологическую природу человека. Фигуративный дискурс направлен прежде всего на субъекта в актах внутренней репрезентации.

Подвижность и гибкость фигуративной сексуальности отчасти выражаются в интерпретации собственных переживаний и переосмыслении вновь полученных значений, которые опять же будут переживаться по-новому.

Особенность фигуративной сексуальности заключается в том, что форма и содержание слиты в своей значимости, т.е. форма никогда не бывает пустой, а содержание всегда должно быть выражено. Смысл репрезентации сексуальности заключается в постоянном становлении, переходе от формы к содержанию, от содержания к форме. Ощущение сексуальности нуждается в постоянном обновлении: проясненный смутный образ, который был первоначально схвачен, в сознании субъекта связывается с определенными концептами, описывающими его сексуальность. При этом ни один концепт не обладает абсолютным статусом, потенциально он может быть переосмыслен и в результате – преобразован.

Наполнив сознание переработанным ощущением, сексуальная чувственность индивида нуждается в подтверждении. Необходим факт, удостоверяющий безошибочность суждения субъекта о своей сексуальности. Сексуальность вновь должна быть перемещена в область актуальных чувственных переживаний. Совпадение нового чувственного опыта с ранее сконструированным концептом оформляет основание фигуративной сексуальности, которая соединяет аспекты чувственной и рассудочной жизни индивида. Репрезентативный смысл фигуративной сексуальности заключается в том, что, поняв свою сексуальность (хотя бы отчасти), человек становится способным к новому уровню сексуальных переживаний в том смысле, что изменяется глубина этих переживаний. Нет необходимости в экстенсивном воспроизводстве чувственных удовольствий, которые остаются замкнутыми на субъекте, а точнее, лишь на его возможности к переживанию приятных моментов, длительность которых всегда оказывается недостаточной и требуется неизменное возвращение к какому-то эталону наслаждения.

Фигуративная сексуальность ориентирована на постижение субъектом опыта экзистенциального присутствия в мире. Однако фундаментальный опыт бытия-в-мире с необходимостью должен иметь основание, которое позволит индивиду сохранить устойчивое существование. Каждый человек нуждается в такой точке опоры, поскольку она поддерживает его субъективный бытийственный статус. Субъективация индивидуального бытия выражается в аутентичности личностного восприятия

собственной целостности. Фигуративная сексуальность – это один из вариантов обретения целостного переживания как себя, так и всего мира. Она является основой внутреннего единства субъекта. В процессах внутренней репрезентации сексуальности соединяются телесные проявления и рассудочное постижение, объединяя способы бытия человека, раскрывая его природу.

Ощущаемое единство своего бытия, обретенное через акты внутренней репрезентации фигуративной сексуальности, имеет безусловный характер. Подразумевается, что переживание аутентичности собственной сексуальности становится определяющим фактором в опосредованном восприятии Другого, восприятию, которое следует после осознания своей сексуальности, когда ощущения сексуальной чувственности меняются, поскольку не обладают статичным характером (как и всякое ощущение), но при этом остается то, что позволяет идентифицировать сексуальность как свою собственную, слитую с экзистенцией индивида, – аутентичность сексуальности. Сексуальная чувственность актуализируется лишь посредством присутствия Другого (реального или данного в сконструированном образе).

П. Рикер, оценивая всю значимость присутствия Другого для индивида, постулирует: «Для человека, „действующего и испытывающего воздействие“, долг путь к узнаванию/признанию себя тем, кем он является на самом деле, – человеком „способным“ определенным образом себя реализовывать. К тому же самопризнание на любом этапе требует помощи другого» [11, с. 71]. Индивидуальность образа Друга определяет проявленный аспект сексуальности индивида, но при этом фигуративная сексуальность сама по себе не изменяется, сохраняя свой трансцендентальный характер. Сама сущность сексуальности, вне зависимости от того, что было раскрыто индивиду, содержит в себе модус экзистенциального присутствия субъекта, и, более того, целостность сексуальности, включающая все возможные формы своего проявления, неразрушима.

Проблема заключается в том, каким образом человек достигает целостности переживания своей сексуальности, которая при этом не предстает перед ним в абсолютной данности. Вариативность присутствия Другого в конкретной жизни субъекта сопровождает генезис сексуальности. Процессы внутренней репрезентации фигуративной сексуальности трансформируют случайный опыт восприятия Другого в модусе сексуального в необходимое постижение аутентичной сексуальности. *«Итак, тезису мира – мир „случаен“ – противостоит тезис моего чистого Я, жизни моего Я, которая является „необходимой“, абсолютно несом-*

ненной. *Все вещное с его живой телесной данностью может и не быть, но не может быть и такого переживания, даваемого с живой телесностью, какого могло бы и не быть*, – это сущностный закон, какой определяет и эту необходимость, и эту случайность» [1, с. 141]. Вопрос о вневременности неактуализированной сексуальности разрешается именно через модус аутентичного переживания собственной сексуальности, который, несмотря на поток меняющихся ощущений, оставляет в единстве ядро сексуальности с экзистенциальным существованием. Подобно тому, как изменяется экзистенция, следуя необходимости постоянного развития, меняется и это ядро сексуальности, переживаемое как аутентичность восприятия сексуальности, но оба процесса перехода из одного состояния в другое осуществляются неразрывно, что позволяет воспринимать фигуративную сексуальность как форму экзистенциального присутствия.

Таким образом, транзакционная связь между экзистенцией индивида и фигуративной сексуальностью детерминирована репрезентативной структурой сексуальности. Для сексуальности единство актов, составляющих внутренний процесс репрезентации, обусловлено их отдельной значимостью. При отношении к своей сексуальности как значимой сфере собственного существования схватывание первоначального смутного образа сексуальности неизменно влечет за собой рассудочное понимание ее оснований, которые в дальнейшем нуждаются в своеобразном чувственном подтверждении. Сама чувственность субъекта должна быть

верифицирующим основанием, подтверждающим правильность вынесенного суждения о своей сексуальности, что опять же продуцирует новый уровень сексуальных переживаний.

Изменение ощущений, сопровождающих раскрытие фигуративной сексуальности, формирует ядро сексуальности через феномен аутентичности, которая не только позволяет индивиду ощутить уникальную сексуальность как свою собственную, но сохраняет ее целостность в жизненном потоке. Аутентичность субъективного восприятия фигуративной сексуальности не подвергается сомнению, поскольку она находится в сфере абсолютного опыта субъекта. «В абсолютной сфере нет места чему-то спорному, кажимости, инаковости. Это сфера абсолютной позиции» [1, с. 141], позиции, которая детерминирует возможность экзистенциального бытия, вне зависимости от того, что является первоначальной точкой – фигуративная сексуальность или какой-то иной феномен.

В дальнейшем рассудочное понимание аутентичности сексуальности, данной во внутреннем опыте репрезентации, выражается в принятии Другого, во-первых, как необходимого условия актуализации сексуальности, а во-вторых, как источника собственной аутентичной фигуративной сексуальности. Конечной референцией внутренней репрезентации фигуративной сексуальности является факт принятия себя через аутентичное переживание сексуальности, когда она воспринимается как неотделимая и неотчуждаемая от него сущность.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. Кн. 1. 489 с.
2. Мотрошилова Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология – Герменевтика, 2003. 720 с.
3. Rosenfeld D. Heteronormativity and homonormativity as practical and moral resources: the case of lesbian and gay elders // *Gender & Society*. 2009. 23. P. 617–638.
4. Richardson D. Patterned fluidities: (re)imagining the relationship between gender and sexualities // *Sociology*. 2007. 41. P. 457–474.
5. Tyler M. Managing between the sheets: lifestyle magazines and the management of sexuality in everyday life // *Sexualities*. 2004. 7. P. 81–106.
6. Grimwood S. M. H. Some foucauldian perspectives on issues in human sexuality // *Theology and Sexuality*. 2002. 8. P. 97–119.
7. Richardson D. Claiming citizenship? Sexuality, citizenship and lesbian/feminist theory // *Sexualities*. 2000. 3. P. 255–272.
8. Koller V. "Not just a colour": pink as a gender and sexuality marker in visual communication // *Visual Communication*. 2008. 7. P. 395–423.
9. Noys B. "The end of the monarchy of sex": sexuality and contemporary nihilism // *Theory, Culture & Society*. 2008. 25. P. 104–122.
10. Diamond L. M. "I'm straight, but I kissed a girl": the trouble with american media representations of female-female sexuality // *Feminism & Psychology*. 2005. 15. P. 104–110.
11. Рикер П. Путь признания. Три очерка. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 268 с.

Пырьянова О. А., аспирант.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002.

E-mail: pyryanova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14.06.2011.

О. А. Pyryanova

**INNER REPRESENTATION OF THE FIGURATIVE SEXUALITY AS A FOUNDATION
OF THE AUTHENTIC PERCEPTION OF THE SEXUAL SENSITIVITY**

In the article the mechanism of the inner representation of the figurative sexuality is researched. Initially disclose of the sexual sensitivity is given as an unclear images, which might be rationally interpreted and, consequently, clarified by the person in the future. The problem is that in the dominant sphere of heteronormativity the individual mixes socially legitimated description of sexuality and his own one, taking away possibility of his own authentic existence. Authentic perception of own sexual sensuousness is based on the inner representative acts, on the high degree of that which are authentic.

Key words: *figurative sexuality, sexual sensuousness, representation, heteronormativity, heteroflexibility, existence.*

The First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University.

Ul. Mira, 19, Ekaterinburg, Russia, 620002.

E-mail: pyryanova@mail.ru